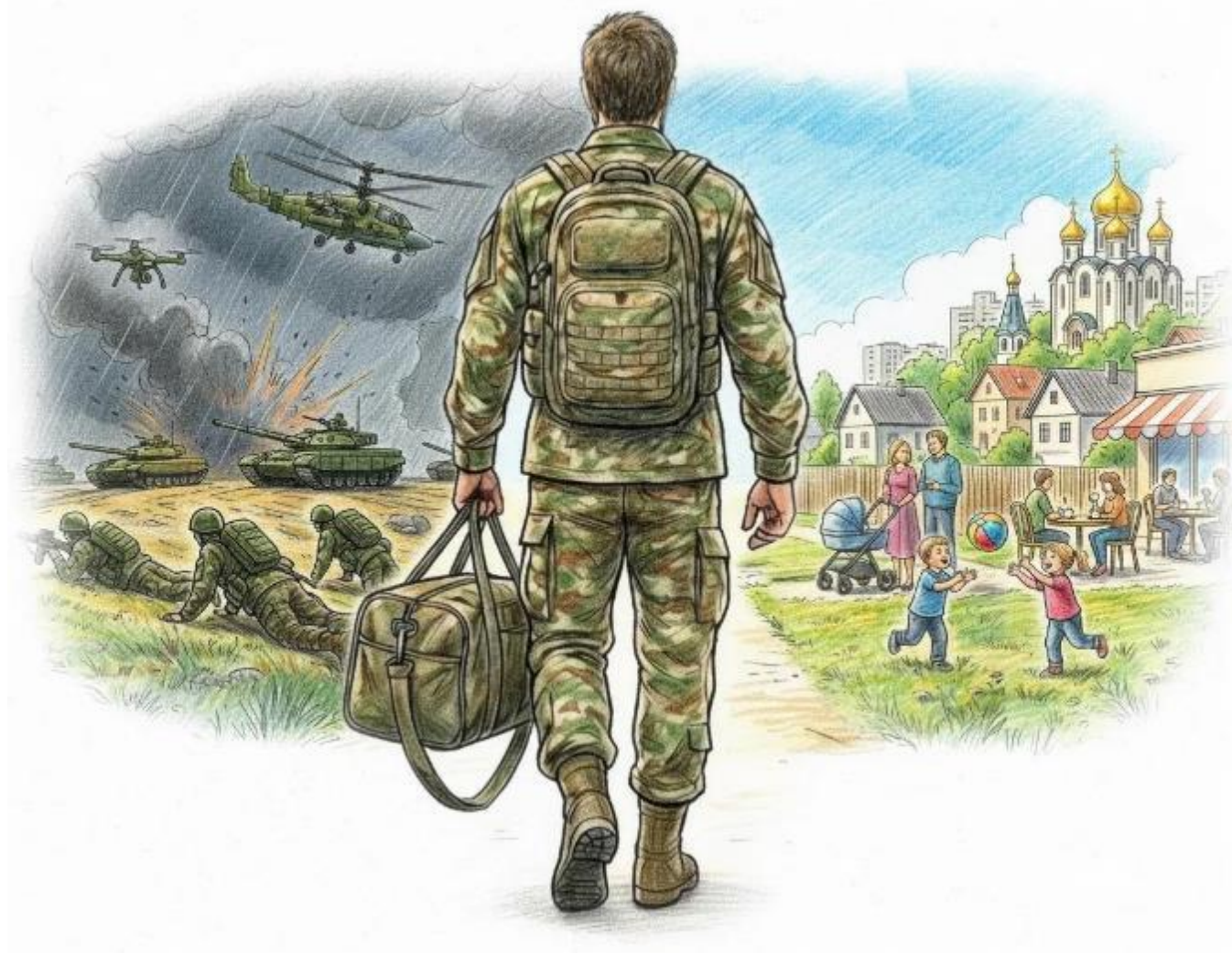

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Духовные и практические аспекты поддержки участников СВО и их близких

Пособие для священнослужителей
Русской Православной Церкви

Часть 3.

диакон Игорь Куликов, 2026 г.

ОСОБЕННОСТИ ДУХОВНОГО ОКОРМЛЕНИЯ ВЕРНУВШИХСЯ С ФРОНТА УЧАСТНИКОВ СВО

Перед вернувшимся с фронта в мирную жизнь человеком могут встать вопросы: как жить после того, как видел все ужасы войны и сам убивал? Как жить среди людей, которые ничего из этого не пережили?

Священник должен быть готов к таким вопросам. И постараться помочь человеку найти на них ответы.

К сожалению, опыт показывает, что войны, вернувшись с фронта, сами почти никогда не приходят к священнику. Обращаются их матери, жёны, друзья, причём, как правило, когда ситуация уже запущена.

Именно поэтому во многих случаях нужно проявлять инициативу. Весьма неплохой и рабочий способ – предложить освятить жильё.

Вместе с родными выберите наиболее удобное для бойца время. Придите. Ваша задача – не провести обряд и уйти, а вовлечь человека в действие: «Помоги, пожалуйста, стол подвинуть», «Подержи кадило», «Где у вас тут восток?», «Помоги наклеить крестики на стены» и т.д. Это снимает первое напряжение. Заранее договоритесь с родными, чтобы они не бросались сами помогать, а постояли в стороне и дали вам возможность наладить контакт с бойцом.

После молебна самое важное – чай. Попросите родных накрыть чай и дать возможность вам пообщаться наедине. Создайте пространство безопасности.

Не начинайте с нравоучений, даже в самой мягкой форме. Спросите про позывной (это ключ к личности бойца на войне). Можно заранее заказать и носить с собой шевроны с Иисусовой молитвой¹ – это и подарок, и повод заговорить о молитве как об инструменте выживания.

Слушайте. Позвольте человеку выговорить «умственную жвачку», которую он пережёвывает каждый день. Ваша задача – не дать совет, а быть свидетелем его боли.

Многие участники СВО, ещё будучи на фронте, говорят о том, что воюют за нашу веру. Это очень ответственное утверждение для тех, кто берёт в руки оружие, кто каждый день рискует собственной жизнью, теряет товарищей, психологическое и физическое здоровье. Но подавляющее большинство вернувшихся с фронта на самом деле не имеют представления об основах веры. Как писал Н. С. Лесков: «Русь крещена, но не просвещена».

Священнику важно напомнить бойцу, что поле битвы дьявола с Богом в первую очередь в его сердце. Что если человек так высоко ставил веру и рисковал ради неё жизнью, то, вернувшись из земного ада, нельзя

¹ Можно найти на любом маркетплейсе с доставкой в любой регион страны (поиск по словам «шеврон с молитвой»).

отказываться от неё. Важно узнать, что значит жить с Богом, как бороться с дьяволом в собственной жизни.

Священнослужитель может помочь ветерану найти новые смыслы служения Богу и людям, не менее значимые, чем защита Родины: служение и труд на благо людей, помощь нуждающимся, патриотическое воспитание молодёжи и т.п.

Правила духовного общения с участниками боевых действий

В общении священника и комбатанта есть правила, которые помогут взаимопониманию обеих сторон.

- **Слушать без осуждения:** иногда люди нуждаются в том, чтобы их просто выслушали. Позвольте человеку говорить о своих чувствах и переживаниях. Не перебивайте его. Слушайте активно и без оценок.
- **Не навязывать советы:** не стоит давать советы и тем более указания о том, как нужно действовать, если человек не просит об этом.
- **Не накалять обстановку:** избегайте при разговоре резких изменений в окружающей среде, громких звуков и ситуаций, которые могут вызвать у комбатанта тревогу.
- **Предлагать поддержку, но не оказывать давление:** убедитесь, что человек знает, что вы готовы быть рядом и поддержать, но не давите на него с тем, чтобы он открылся вам или следовал вашим советам.
- **Соблюдать границы:** уважайте пространство человека и его потребность в уединении, если это необходимо.
- **Быть информированным:** узнайте больше об особенностях людей, участвовавших в военных действиях, о проблемах, с которыми они сталкиваются, чтобы лучше понимать их психологическое и душевное состояние (первые две главы пособия). Это поможет вам быть более чуткими и не навредить человеку.
- **Поддерживать в поисках профессиональной помощи:** мотивируйте человека, страдающего ПТСР (или имеющего его проявления), обратиться к квалифицированным специалистам, если он готов, **но не настаивайте**. Если готов – поддержите и помогите организовать первый визит.
- **Проявлять терпение:** процесс восстановления может занять длительное время. Важно поддерживать человека на протяжении всего этого времени.
- **Избегать триггеров:** если вы знаете, какие ситуации или темы могут вызвать у ветерана СВО неприятные воспоминания или чувства, избегайте их обсуждения.

- **Заботиться о себе:** духовная поддержка участников боевых действий может быть эмоционально сложной. Убедитесь, что вы также заботитесь о своём психическом и душевном здоровье.
- **Соблюдать границы:** священнику и его помощникам важно помнить о границах собственной компетенции и не переоценить свои возможности.
- **Взаимодействовать со специалистами в других сферах:** важно, чтобы священник и ответственные лица прихода имели контакты рекомендованных специалистов в области психического здоровья (как минимум контакт ближайшего представителя фонда «Защитники Отечества») для направления обратившегося человека за профессиональной помощью.

Выстраивая диалог с ветераном боевых действий, необходимо уважать личное пространство человека и серьёзно относиться к конфиденциальности услышанного. Если человек начал открываться священнику, он может быть излишне откровенен. Даже если о какой-то слабости человека или о каком-то его неправильном поступке стало известно в простом разговоре, лучше считать это тайной исповеди.

Первая встреча

Участник боевых действий возвращается домой с подорванным здоровьем². В таком состоянии, без внешней мотивации (во время боевых действий внешнюю мотивацию создают приказы командиров, необходимость выжить и т.д.), человеку после возвращения к гражданской жизни эмоционально очень трудно заставить себя что-то делать. Как уже отмечалось, многие теряют себя после произошедших с ними изменений, не могут найти силы сделать шаг в Церковь, навстречу Богу.

Однако находятся и те, кто понимает, что нужно излечить собственную душу. Такой человек сам приходит в храм, ищет поддержки.

Священнику важно помнить о том, что душа человека, участвовавшего в военных действиях, изранена, что он видел и пережил такое, что многие не могут себе представить даже в кошмарных снах. А ещё нужно помнить, что и ради этого человека Господь пришёл в мир. Поэтому в общении важно избегать морализаторства и давления, позиции «над» собеседником. Уважение, сострадание и умение со всем терпением выслушать человека, не перебивая, станут здесь лучшими помощниками.

² Мы подробно говорили в первых двух частях о том, как во время боевых действий меняются физиологические процессы, гормональный фон, даже если человек не получил тяжёлого ранения, не был в плену и т.д.

Предмет разговора – помощь душе бойца. Нужно выяснить, в чём именно можно быть полезным, как можно «омыть раны души». Однако ни в коем случае не нужно проводить «операцию на душе без анестезии»: с ходу, не наладив доверительный контакт, расспрашивать человека, что он видел, что пережил, – это может послужить его ретравматизации³. Если человек пришёл – значит, у него уже есть определённый запрос. Задача священника – поговорить о том, о чём человек **сам** хочет и готов говорить, и создать безопасные условия для того, чтобы он мог открыться.

Создание безопасного пространства для беседы

Бывшему участнику военных действий трудно сосредоточиться, трудно говорить, когда рядом или сзади стоят люди. Если он пришёл на исповедь, а сзади очередь, ему очень трудно будет думать о том, с чем он пришёл. Скорее всего, в мыслях будет то, что сзади много людей и он не может контролировать их действия⁴.

Отличительная особенность комбатантов – восприятие **только неформального подхода в отношениях**, искреннего общения. Если он видит, что в храме действует некий формальный порядок (стоит общая масса людей, которые по очереди подходят на исповедь), то он, может быть, и примет негласные условия: «Стой со всеми, не выделяйся». Но в глубине души с этим заранее не согласится: он считает себя уникальным, не готов быть со всеми «в одной линии», не готов к формальному общению.

Лучше пригласить такого человека на индивидуальную беседу, чтобы расположить к диалогу: «Слушай, мы ведь с тобой ещё не знакомы, но я очень рад, что тебе удалось вернуться, что ты пришёл в храм. Если у тебя есть возможность, я бы хотел с тобой просто посидеть, попить чаю и поговорить немного о жизни». Примерно с таких слов может завязаться по-настоящему качественная пастырская помощь да и дружба с бывшими комбатантами.

Учитывая то, насколько редко ветераны боевых действий заходят в храм, со стороны священника было бы правильно, увидев в храме человека в военной форме, **самому подойти к нему**, поздороваться, пригласить на чай или

³(сноски мельче) Ретравматизация – это повторное переживание травматического опыта, которое вызывает сильные эмоциональные реакции и физиологические симптомы, аналогичные первоначальной травме.

⁴ В предыдущих разделах мы объясняли, что так срабатывает психика у тех, кто длительное время был в состоянии максимальной сосредоточенности, отслеживания всевозможных угроз. В боевых условиях несколько человек, стоящих вместе, – удобная мишень и приоритетная цель. Поэтому, если в одном месте собрано много людей, это может насторожить, испугать человека.

беседу. Даже если для этого нужно будет деликатно приостановить исповедь другого человека или выйти на некоторое время из алтаря во время службы (разумеется, когда это уместно).

Особенности поведения комбатантов при разговоре со священником

Священникам нельзя забывать, что в силу травмированности поведение вернувшегося с боевых действий может отличаться от поведения обычного человека за разговором «по душам».

Пример из жизни: комбатант попросил знакомого священника о встрече: «Душа разбивается, надо поговорить». Священник готов выслушать, а человек смотрит в одну точку и молчит. Батюшка потихоньку сам начинает разговор, человек молчит. А потом слышит: «Ты прости, отец, давай я в следующий раз приду, не получается сейчас!»

В подобной ситуации священник не должен ни смущаться, ни раздражаться: такое поведение совершенно объяснимо для человека, вернувшегося с войны в мирную жизнь. Задача пастыря — дать понять, что человека готовы ждать, выслушать и помочь, и проявлять максимальную бережность, деликатность.

Другое важное наблюдение из пастырского опыта: комбатант, рассказывая священнику о себе (причём порой шокирующие вещи), зорко наблюдает реакцию. Если он замечает, что его рассказ батюшку смущает, пугает, он разговор заканчивает. Так может быть и на исповеди.

У некоторых комбатантов вызывает напряжение и внутреннее неприятие, когда священники называют их «защитниками», «героями»; такое обращение может отпугнуть человека, пришедшего каяться и сознающего за собой серьёзные грехи.

Бывает, что ветераны боевых действий думают, что их участие в войне и в том числе столкновение лицом к лицу с противником как бы выводит их за грань нравственно-церковной жизни: «В храме для нас места нет, потому что мы убийцы».

В таком случае очень важно объяснять, что они не убийцы, а воины, и их воинский долг благословлён Церковью, и что есть большая разница между воином, который исполняет свой долг и присягу, и воином, который становится убийцей⁵. Воин может стать убийцей, если он проявляет особую жестокость, если он убивает безоружного человека, и так далее. То есть совершает то, что называется военным преступлением.

⁵ Подробнее в разделе [«Церковные каноны и практика причащения воинов, участвовавших в боевых действиях»](#) в приложении.

Что противопоставить «звериным законам»

Боевая обстановка вынуждает человека действовать по «звериным законам», где главным принципом становится «выживает сильнейший», «или ты, или тебя». Чтобы сохранить жизнь и выполнить приказ, солдату приходится принимать жёсткие решения, мгновенно и беспощадно реагируя на угрозу. Важнейшие человеческие качества – такие как эмпатия и сочувствие – могут мешать выполнению боевой задачи, а порой и вовсе стоять воину жизни. Идёт процесс дегуманизации, который затрагивает всего человека: и тело (инстинкты, рефлексy), и душу (эмоции, воображение, память, стремления).

Следует понимать, что условия среды действуют на человека не сами по себе. Они проходят сквозь систему внутренних установок, правил, через совесть, мировоззрение. К сожалению, многие из воюющих сейчас – люди без целостного мировоззрения, мало читавшие, мало думающие, мало видевшие. Жёсткая обстановка фронта воспринимается ими без интеллектуального и этического фильтра, они почти ничего не противопоставляют неизбежно жестоким условиям войны, теряя человеческое и привыкая жить по «звериным законам». И это нельзя не учитывать священнику в своей пастырской работе.

Но, пойдя однажды по «пути зверя», как потом вернуть себе человеческий образ?

В книге «Путь Архистратига» автор, главный военный священник в зоне СВО протоиерей Дмитрий Василенко, противопоставляет «пути зверя» путь воина-христианина, который, выполняя боевую задачу, должен преодолевать зло в себе.

В основе идеи – теория доминанты учёного А. А. Ухтомского⁶, которая близка святоотеческому учению о страстях и добродетелях. Согласно теории доминанты, когда человек сталкивается с каким-либо сильным переживанием, оно способно захватить его и стать доминирующим. Это что-то вроде устойчивой, навязчивой мысли или состояния, которое становится центром вашего внимания и подчиняет себе всё остальное.

Представьте, что в вашей голове поселилась навязчивая мелодия – она звучит снова и снова, заглушая всё остальное. Или если вы сильно голодны, то все мысли будут о еде.

Ухтомский объяснил, что в мозге возникает очаг возбуждения, который притягивает к себе все ресурсы внимания и энергии. Если человек пережил серьёзную травму – этот очаг может долго не угасать, даже когда причина уже исчезла. После боевых действий мозг часто продолжает жить в режиме

⁶ Алексей Алексеевич Ухтомский, в монашестве Алипий (1875-1942) – русский и советский физиолог, академик Академии наук СССР (1935), создатель учения о доминанте.

выживания: шорох за спиной вызывает панику, воспоминания возвращают в эпицентр событий, а чувство вины не отпускает даже во сне. Это не слабость характера – это физиологическая реальность, «застрявший» очаг возбуждения в нейронных сетях мозга.

Самое парадоксальное в природе доминанты – с ней почти невозможно бороться в лоб. Попытки «не думать о плохом», подавить воспоминания или просто успокоиться часто лишь усиливают напряжение. Ухтомский открыл важный закон: старую доминанту можно победить только новой – более сильной, яркой и жизнеутверждающей. Это как если в тёмной комнате горит свеча, то она невольно становится центром внимания, но если рядом зажечь мощный прожектор – его свет затмит слабое пламя свечи. «Заевшую» музыку в голове можно победить, если поставить более любимую мелодию. Если сильно проголодавшийся человек займётся каким-то очень интересным и вдохновляющим его делом, он способен забыть о голоде.

Бессмысленно просто говорить человеку: «Не думай о плохом, забудь, успокойся». Нужно помочь ему **переключиться на что-то большее и светлое. Человеку необходимо создавать новую, позитивную доминанту, которая сможет успешно конкурировать с патологической.**

Для человека после травмы «новой доминантой» может стать то, что даёт смысл: вера, служение другим, творчество, забота о близких, помощь семьям погибших боевых товарищей или одиноким старикам.

Это напрямую соотносится с аскетической практикой «взрачивания противоположной добродетели», о которой писали многие святые отцы, в частности, святитель Феофан Затворник.

Важно помочь человеку формировать новую картину мира, с новыми смыслами. Ведь, если человек со злом внутри себя не борется, оно растёт и отравляет душу, искажает все области его жизни и отношений.

Предложение помощи войны часто воспринимают как слабость, но они охотно откликаются на просьбу о помощи. «У нас на приходе мало мужских рук, помоги забор починить», «Мог бы ты как человек, прошедший через это, поговорить с подростками в воскресной школе?», «Есть вдова погибшего бойца, нужно помочь ей по хозяйству – давай поможем ей в память о твоих погибших товарищах».

Через полезное, социально значимое дело человек начинает вновь обретать почву под ногами и смысл (несколько практических примеров приведены в следующей главе – «Обретение нового смысла мирной жизни»).

Изменение отношения к таинствам

Для большинства вернувшихся участников СВО исповедь не является таинством покаяния, а лишь инструментом облегчения душевных страданий. Человек может так и говорить: «Мне бы причаститься, покаяться, пособороваться, а то мне тяжело, что-то со мной происходит».

Этим «что-то» может быть что угодно, в частности, флешбэк (например, постоянные сны о своих погибших сослуживцах либо об одной и той же боевой ситуации). Не имея опыта поддержки военным психологом, не разбираясь в симптомах ПТСР, боевой психотравмы, других последствий участия в боевых действиях, многие комбатанты считают это чем-то ненормальным и даже сверхъестественным, например, одержимостью, влиянием бесовских сил.

При таких проявлениях они (и их близкие) считают, что помочь может только Церковь. Причём формат «духовной» помощи представляют в оккультном, магическом ключе: «Мне надо что-то сделать. Куда съездить, с кем поговорить, какую воду выпить, какую свечку поставить, чтобы это прекратилось?»

Такое восприятие нередко усугубляется и околоцерковным окружением участника, которое и рекомендует конкретные шаги: «Сходи на исповедь, причастись – и всё обязательно пройдёт».

В подобных случаях от священника не ждут общения, поддержки, наставлений. От него ждут выполнения конкретного запроса. В этом случае нашей задачей будет небольшая огласительная беседа о смысле таинств и о Церкви.

С помощью церковных таинств пытаются решить ещё одну проблему – употребление алкоголя или наркотиков. Сам комбатант или его близкие надеются на церковные «обряды». Причём у самого комбатанта при первой беседе всегда будет много самооправданий: «Я очень многое видел, многих терял, меня не принимает этот мир, меня не понимают самые близкие».

Здесь следует стараться переключить внимание с самооправданий на то, что «помощь» от алкоголя и наркотиков, в первый момент «снимающая» напряжение, иллюзорна, а в реальности лишь разрушает и самого человека, и его семью, отношения с людьми, материальное положение. Ниже коснёмся этого вопроса подробнее.

Трудные вопросы исповеди

В своём 1-м каноне св. Афанасий Великий говорит, что одно и то же событие (в том числе и во время войны) следует оценивать по-разному, иногда

диаметрально противоположным образом, в зависимости от контекста самого события, его обстоятельств и времени свершения⁷. Поэтому в этом непростом вопросе нет шаблонов, но есть ориентиры.

В пастырском душепопечении следует подходить к человеку индивидуально. Нет одинаковых ситуаций – потому что неодинаковы люди, в них оказывающиеся.

Есть несколько общих рекомендаций:

1. Приоритетным в пастырском попечении, подходе к исповеди и причастию должно быть не стремление определить меру наказания человека, а помощь в примирении с самим собой, с теми обстоятельствами, в которых он живёт или от последствий которых страдает.
2. Священнику необходимо помнить, что любая война – сильнейший стресс, значит, исповедовать он будет человека травмированного, находящегося под влиянием раздирающих его страхов и желаний: страха смерти, страха подвести товарищей, желания выжить – всего того, с чем на приходе обычно батюшка не сталкивается.
3. Священнику нужно понимать, где и как происходит исповедь человека: перед боем, в госпитале, в приходском храме после возвращения с СВО. И сообразно с этими различными обстоятельствами выстраивать пастырский подход.
4. Необходимо также определить и учесть степень воцерковленности человека, приходящего на исповедь, его осознанность (или отсутствие таковой) в подходе к Таинствам.

Убийство на войне по приказу не равно убийству в мирной жизни

За всю свою историю Церковь канонизировала немало воинов, таких, как мучч. Фёдор Стратилат, Дмитрий Солунский, 40 мучеников Севастийских (как состоявшие в римском гарнизоне, они исполняли и полицейские функции), князей Александра Невского, Даниила Московского, и многих других. Это говорит о высокой оценке подвига воинов, защищающих свой народ, свою землю и веру.

При этом гражданские войны, ещё со времён междоусобиц на Руси, Церковью решительно порицались и назывались братоубийственными.

И если древние каноны, например, Василия Великого, рекомендовали вернувшемуся с войны воину в качестве епитимьи воздержаться на некоторое время от причастия как не сохранившего, пусть не по своей воле, заповедь

⁷ См. [«Церковные каноны и практика причащения воинов, участвовавших в боевых действиях»](#) в Приложении.

Христа «Не убий», то в Византии после освобождения Антиохии от Турции император Никифор Фока внёс предложение **всех** воинов — защитников веры и Отечества — канонизировать одновременно.

В Русской церкви в XV–XVI веках с такой же инициативой выступил ряд митрополитов, предлагая также одновременно канонизировать всех воинов, освобождавших Русь от татаро-монгольского ига. Однако в обоих случаях предложения приняты не были.

Это свидетельствует, что Церковь всегда рассматривала столь непростой вопрос с позиции рассуждения. И сегодня, учитывая новую реальность, в которой мы живём, методы современной войны, а также христианскую непросвещённость воинства, можно предложить такой ориентир: ***в оценке степени готовности или неготовности к исповеди и причастию смотреть на мотивацию, с которой воин совершил те или иные действия на войне.***

Потому что одно и то же действие может исходить из разных состояний сердца. Одно дело — если человек убивает (пусть даже противника) со злобой, ненавистью и азартом. Совсем другое дело — если он выполняет приказ командира, защищает товарищей, отбивает атаку, хотя сам был бы и рад не убивать, но долг есть долг. Господь смотрит на сердце человека. Задача пастыря — помочь человеку разобраться в мотивах своих действий.

Пример: бойцы заметили наводчика дров, уничтоживших российских солдат, и командир послал снайпера его ликвидировать. Снайпер обнаружил, что наводчик — почти ребёнок, подросток. Не хладнокровно, но с болью в сердце и сожалением снайпер был вынужден его застрелить, потому что в противном случае наводчик продолжил бы убивать его товарищей. Снайпер действовал по приказу и защищал друзей от реальной гибели.

Подобные обстоятельства должны быть приняты во внимание священником.

В армии воин действует не самовольно, а по приказу. Бывает так, что воины сами становятся жертвами ошибочных приказов. И священнику надо помнить, что, когда воин выполняет приказ, совершая действия убийства, полнота ответственности лежит не на нём одном: даже по мирским законам ответственность за эти действия воин разделяет с тем, кто приказ отдаёт.

Отягчающие обстоятельства на войне

Насилие в отношении мирного населения, женщин, детей, стариков, мародёрство и грабёж расцениваются даже армейским кодексом как военные преступления.

К отягчающим обстоятельствам для христианина также относятся действия особой жестокости по отношению к противнику.

Убийства из личной мести, для получения собственной выгоды должны определяться как действия безусловно греховные.

Нередко встречающееся чувство гордости собой за совершённые убийства у бойцов, относящих себя к верующим, также требует внимательного пастырского рассмотрения.

Священнику, исповедующему воинов, могут помочь простые прямые вопросы:

- Не участвовал ли он в насилиях, грабежах, мародёрстве?
- Не совершал ли убийства не по приказу, а из личного желания, с чувством мести? С намерением или без намерения (понимал ли человек последствия своих действий)?
- Какие чувства испытывал, когда приходилось убивать?
- Приходилось ли совершать действия особой жестокости?

Пример: боец просмотрел ролик о том, как пытаются в украинском плену российских солдат. После этого убил пленного, несмотря на отсутствие приказа, — он сделал это, не справившись со своим чувством ненависти, желая отомстить. Безусловно, боец находился во власти сильного переживания, однако свои действия вполне осознавал и потому ответственен за них.

Однако важно помнить о риске ретравматизации (см. выше в разделе «[Первая встреча](#)»). Задавать подобные вопросы необходимо крайне деликатно и убедившись, что это действительно может помочь кающемуся, а не навредит ему.

Исповедь перед боем: кого допускать к причастию?

Иногда в храм приходит воин, приехавший к родным в отпуск, но скоро возвращающийся обратно на фронт.

Преподобноисповедник Сергей Серебрянский, окормлявший наше воинство в Русско-японской войне, в своём дневнике говорит о том, как причащал воинов перед боем, спрашивая лишь: «Нет ли каких особых грехов?» И если воин каялся в «особых» грехах, батюшка их разрешал, потому что в бою человек мог погибнуть.

Однако сегодня бойцов, понимающих смысл исповеди, осознающих ценность причастия, крайне мало. Человек может совершенно не представлять, в чём ему каяться, раз он «Родину защищает». Но если такой человек выразил желание причаститься, а батюшка скажет, что он не готов, боец просто решит, что его прогоняют.

Тут очень важно найти такой подход, который, с одной стороны, не отпугнул бы человека, с другой — не создал у него ложные ориентиры христианской жизни, так называемого «христианства лайт».

Ситуация перед боем наиболее острая – человек может не вернуться живым. Боец в это время испытывает стресс, он уже не здесь умом и сердцем. А у священника может не быть времени на его катехизацию.

Поэтому Церковь проявляет снисхождение и допускает бойцов к причастию перед боем, если они:

- крещены,
- хотят причаститься (выслушав краткие, но понятные слова священника о главном смысле Евхаристии),
- выразили искреннюю готовность регулярно ходить в храм после возвращения с фронта,
- не насиловали, не мародёрствовали, не убивали из личной мести и выгоды (или как минимум искренне в этом каются).

«Не могу себя простить»

Человека может охватить гнетущее чувство вины. Часто он боится идти со всем этим в храм: «Я – убийца, разве я могу находиться в храме?»

И даже если человек придёт, поговорит со священником, исповедует, бывает очень непросто объяснить, что Бог его прощает.

Пример из жизни. Подразделение, в котором служил комбатант, отправили штурмовать очередной населённый пункт. В ходе тяжёлых боёв погибли мирные жители, в том числе женщины и дети. Прошло несколько лет(!), и волна вины охватила этого человека (время разморозило чувства, которые на фронте подавлялись). Священнику он сказал: «Я не могу себя за это простить. Что я за тварь, я себя простить не могу».

В этом случае священнику надо постараться донести, что прощать – дело Божие, а задача человека – подготовить себя к этому прощению. Можно обсудить, в чём могла бы состоять такая подготовка, учитывая его силы. А сам себе отпустить грехи человек действительно не может.

Пастырю важно уверить человека в том, что Господь наш милосерд и нет греха непрощённого, кроме греха нераскаянного. Что в Таинстве исповеди незримо, но абсолютно реально участвует сам Господь. И именно Господь дарует человеку, от сердца кающемуся и готовому к изменениям, прощение, что выражается в чтении разрешительной молитвы священником.

Чувство вины выжившего (экзистенциальная вина)

Помимо вины за конкретные поступки, многие вернувшиеся испытывают глубокое, размытое чувство вины «вообще»: за то, что остались живы, когда товарищ погиб; за то, что не могли помочь больше; за сам факт того, что в мире происходит ужас. Это можно назвать экзистенциальной виной –

чувством ответственности за несовершенство мира, боль и несправедливость, свидетелем которой человек стал.

В пастырской беседе важно:

- Не отрицать чувство фразой «ты ни в чём не виноват». Для человека его вина реальна. Лучше спросить: «Расскажите, в чём именно вы чувствуете свою вину?» – и просто выслушать, давая возможность выговориться.
- Помочь найти способ «компенсации», если вина связана с конкретной потерей. Можно мягко спросить: «Как вы думаете, что сейчас могло бы стать для вас делом, достойным памяти вашего товарища?» Это может стать мостиком к социально значимой деятельности (помощь семье погибшего, волонтерство).
- Различать: если вина становится самоцелью, самобичеванием, за которым стоит нежелание меняться и жить дальше, – это признак болезни (депрессии, ПТСР) и требует обращения к специалисту.

Когда за чувством вины стоит болезнь

Порой за настойчивым, иррациональным (вопреки всем доводам разума) самообвинением и неверием в прощение Божие может стоять нечто другое, скрытое в глубине сердца и неосознаваемое человеком. Например, гнев, ненависть.

В этом случае слова священника о Божием прощении и милости не принесут облегчения, потому что человеку психологически «выгодней» обвинять и продолжать «наказывать» себя, чем увидеть истинные мотивы, покаяться и измениться.

Пастырю в этом случае не нужно «выводить человека на чистую воду», так как это может его лишний раз травмировать. Следует запастись терпением, дать человеку время, записать его телефон и сказать, что всегда готовы его выслушать.

Если же время идёт, а человек продолжает обвинять себя, отвергая помощь, – это повод предложить ему обратиться к специалистам – проверенному психологу, психотерапевту (у священника должны обязательно быть контакты таких специалистов⁸). Продолжительное иррациональное чувство вины – сигнал психического неблагополучия, заболевания, например, депрессии, ПТСР. Оно опасно тем, что может усугубляться, а в конечном счёте привести к самоубийству.

⁸ См. раздел «[Психологическая помощь](#)» в последней главе пособия.

Что поможет подготовить к исповеди вернувшихся с СВО?

Чтобы человек мог «открыть душу», он должен священнику доверять. Доверие может возникнуть, если человека для начала **выслушать**: спокойно и без выставления оценок его действиям. Специалисты, работающие с комбатантами, отмечают, что они больше всего нуждаются именно в этом.

Священник в этом случае следует примеру Христа, к которому привели женщину, застигнутую в прелюбодеянии, пристыженную и отчаявшуюся, и которой Он сказал: «Я не осуждаю тебя». Такое принятие человека сформирует у него доверие, способность открыться, веру в то, что он со своей болью кому-то нужен. Это и станет первым этапом подготовки к исповеди.

***Умению слушать человека можно и нужно учиться –
слушать так, чтобы услышать боль человека.***

Нередко и в обычной жизни люди сетуют на то, что пытались рассказать о наблевшем, а священник их «прерывал», потому что «уже всё понял», «не дослушал», а то и покритиковал за форму изложения. В ситуации с травмированным человеком такие действия священника могут привести к тому, что человек закроется, уйдёт и больше в Церковь не вернётся.

У участников боевых действий наиболее часто встречаются два противоположных состояния:

- Человек мучается чувством вины, потому что «убивал».
- Человек не считает себя грешным, потому что он «Родину защищал» и стоял «за други своя».

Во втором случае, если такой человек придёт в храм и захочет причаститься, необходимо говорить с ним о Евангельской системе ценностей, объяснить, что, выполняя приказ на войне, он не перестаёт быть христианином, а значит, призван оценивать свои действия по заповедям.

Следует также донести до человека, что в мирной жизни нельзя жить по закону войны и, если человек останется при убеждении, что ему не в чем каяться, однажды закон войны может опасно для него проявиться в мирное время.

В любом случае пастырю надо понять, с каким посылом пришёл человек. Что стоит за его самообвинениями или бравадой? Чтобы не дать вместо лекарства яд.

***Главный результат любой беседы священника с воином
должен состоять в том, чтобы человек пришёл снова.***

Самоубийства комбатантов на фронте

Если говорить о самоубийствах на войне, главное значение в их оценке приобретают мотивы человека.

Пример: российский лётчик майор Роман Филипов в Сирии катапультировался из горящего самолёта, принял неравный бой с террористами и, окружённый боевиками, подорвал себя гранатой. Отпевание лётчика совершил митрополит Воронежский и Лискинский Сергей⁹.

Лётчик Николай Гастелло, во время ВОВ направивший подбитый и горящий самолёт на «огненный таран» механизированной немецкой колонны, сделал это не потому, что ему расхотелось жить. Герой понимал, что спастись за считанные секунды из горящего самолёта невозможно, и, жертвуя собой, уничтожил врага.

Так же поступил воин Александр Матросов, закрывший своим телом амбразуру немецкого дзота после неудачных попыток обезвредить его гранатами. Ему было всего 19.

И если внешне подвиг всех троих выглядел как самоубийство, по сути своей это было исполнением заповеди Христа о любви к ближним: «Нет больше сей любви, как если кто душу свою положит за друзей» (Ин. 15:13).

В подобных случаях рекомендовано, если воин крещён и был верующим человеком, совершать очное (при наличии тела) либо заочное отпевание.

Бывают случаи, когда солдаты решались на самоубийство перед неминуемым пленом — чтобы не выдать секретную информацию (например, о расположении своих товарищей).

В случаях, когда не представляется возможным разобраться в причинах, которые двигали человеком, совершившим суицид на фронте, рекомендуется следовать принципам икономии и также совершать отпевание.

Вопрос пастырского отношения к самоубийству на фронте подробно обсуждался на портале для священнослужителей «Пастырь»: <https://priest.today/questions/912> →

Самоубийства воинов, вернувшихся с СВО

Сегодня психиатры говорят о том, что всё больше людей совершают суицид, то есть действия, противоречащие сильнейшему инстинкту жизни, — в изменённом состоянии психики, в клинической депрессии¹⁰, ПТСР, аффекте,

⁹ <https://pravoslavie.ru/110610.html>

¹⁰ Клиническая депрессия (или «большое депрессивное расстройство») представляет собой целый комплекс симптомов и не лечится без психотерапии/медикаментов в отличие от обычной депрессии, под которой подразумевают практически любое плохое или подавленное, тоскливое настроение.

не справившись с мучительными переживаниями, не получив вовремя профессиональную помощь.

Это напрямую касается воинов, вернувшихся с СВО.

Доводы врачей позволяют пастырю смотреть на такого человека скорее как на больного, не справившегося со своей болезнью, чем как на грешника, нуждающегося в порицании.

Поэтому к православному воину, вернувшемуся с СВО, а потом совершившему суицид, рекомендуется подходить с пастырским снисхождением и, разобравшись во всех обстоятельствах и взяв благословение у священноначалия, допускать его отпевание.

При этом необходимо уделить достаточно времени и внимания его близким, которые, как правило, и обращаются с просьбой об отпевании.

При должной пастырской поддержке для многих из них эта трагедия может послужить толчком к воцерковлению.

Важно объяснить, что главное, что могут сделать родственники для своего усопшего близкого, – это регулярная молитва за него, их вера, покаяние и добрые дела.

Дезертирство: вопрос мотивации и пастырский подход

Дезертирство, особенно отягощённое предательством, повлёкшим гибель и страдания людей, рассматривается Церковью как клятвопреступление – смертный грех.

В условиях современной войны обстоятельства дезертирства не всегда однозначны. Дезертирство может иметь разную мотивацию. Поэтому требуется особая пастырская чуткость. Военный закон квалифицирует дезертирство как преступление. Он судит действия человека, результат. Христианский закон судит порой не менее строго, но смотрит глубже – на движения сердца человека, его мотивацию, намерения.

Пример: человек сам подписал контракт, а в первом же бою понял, что совершенно не способен выдерживать напряжение боя, это превышает его психические возможности, и готов дезертировать или же совершить суицид, лишь бы не возвращаться.

Другой пример: дезертировавший воин обращается к священнику с просьбой об исповеди и рассказывает, что его мобилизовали, но он верующий и не хотел убивать людей, поэтому дезертировал и теперь готов понести наказание.

Как разобраться? С одной стороны, он военный преступник. С другой – убивать не хотел.

Здесь колоссальное значение имеют мотивы, помыслы сердца, которыми такой человек руководствуется. Задача священника — вместе с человеком в них разобраться. Это очень непростая пастырская работа.

Ещё пример: человека, далёкого от войны, мобилизовали, в бою он понял, что совершенно не боец, но и не готов вот так умереть. Он дезертировал, а по прошествии некоторого времени сам пришёл в комендатуру. Его отправили в спецподразделение, в бою ранило, боец оказался в госпитале. И, пройдя весь этот путь, он сказал священнику, что в первом своём опыте — до дезертирства — и после участвовало как будто два разных человека. Во втором случае у этого бойца не было никакого ужаса, он сознательно и профессионально шёл в бой.

Поэтому от священника ожидается максимальная вдумчивость, осторожность, чтобы суметь понять мотивы человеческого сердца, не лишит человека Божьего укрепления, но и не попустить греха.

Когда не знаешь, что ответить и посоветовать

Разумеется, в этом разделе приведён далеко не исчерпывающий список трудных вопросов, с которыми может сталкиваться священник при исповеди и общении с ветераном боевых действий.

Главное для священника – это не заранее заготовленные ответы на любые «сложные» вопросы, а искреннее желание помочь человеку разобраться с его внутренними сложностями и найти путь к Богу.

Даже если вы не знаете, что человеку ответить, честно об этом скажите и предложите вместе помолиться, чтобы Господь Сам открыл ответ.

В тех случаях, когда нужно принять то или иное пастырское решение незамедлительно, важно помнить слова Апостола: «Ибо суд без милости не оказавшему милости; милость превозносится над судом» (Иак. 2:13) и совет митрополита Симона (Новикова): «Всем нам свойственно ошибаться, но, если не знаешь, как поступить, лучше ошибиться в сторону милости»¹¹.

Частично данная тема будет продолжена в разделе «[Священник в госпитале](#)».

¹¹ Журнал Московской Патриархии, № 7, июль 2022, статья «Крайнее средство» (http://e-vestnik.ru/analytics/kraynee_sredstvo_pastyr_epitimija_12254/).

Список проблем, которые важно обсудить с комбатантом

В начале общения с вернувшимся участником боевых действий, священнику важно помнить, как Христос поступал с приходящими к Нему в какой-то скорби: сначала Он разрешал их проблему (исцелял, кормил, утешал, давал надежду), а затем уже учил, наставлял.

У каждого бывшего комбатанта есть серьёзные проблемы, и, если вы вместе с ним подумаете, как их решить, тем самым дадите почувствовать человеку твёрдую почву под ногами, чтобы жить дальше, и жить со Христом.

Существующий опыт взаимодействия с участниками СВО показывает, что практически для всех актуальны три блока проблем.

1. Алкоголизация и наркотизация

Подавляющее большинство комбатантов вспоминает диалог из фильма «Девятая рота»: «Когда придёшь, что делать будешь?» – «Пить буду». – «Ну, это понятно. Неделю попьёшь, а потом?» – «Опять пить буду». – «А дальше?» – «И дальше пить буду. Пока не забуду всё это». Даже если человек не имел пристрастия к алкоголю и наркотикам до участия в боевых действиях, то, ещё находясь на службе, он даёт себе на употребление зелёный свет.

Когда он начинает пить после возвращения, то опьянение, умноженное на контузию, иногда и не на одну, значительно меняет его поведение. Происходит регресс мозговой деятельности, психотравмирующие воспоминания и флешбэки становятся всё интенсивней, качество жизни быстро падает. Вот почему так важно с каждым участником говорить о трезвости, об освобождении от изменяющих сознание веществ.

Безусловно, когда проблема зашла далеко, требуются конкретные действия и помощь. В Церкви существует целая система помощи зависимым, в том числе участникам военных действий. Чтобы знать, куда направить и как действовать, важно понимать, какова история употребления, что за этим стоит.

1) Если у комбатанта были проблемы с алкоголем до СВО, то, безусловно, они никуда не исчезнут и после. Участие в боевых действиях может их только усугубить. В этом случае план действий таков: в Синодальном отделе по церковной благотворительности (**8-800-70-70-222**) нужно выяснить координаты ближайших к вам реабилитационных центров для зависимых, которые принимают комбатантов, и связаться с ними¹².

¹² См. подробнее в разделе «[Помощь зависимым](#)».

Увы, у комбатанта может отсутствовать мотивация к прохождению реабилитации. Это вообще характерно для зависимых, но у участника военных действий психика находится ещё и в состоянии возбуждения, что выражается в физическом и эмоциональном беспокойстве. Бойцу трудно долгое время находиться на одном месте, особенно среди тех, кто не участвовал в боевых действиях. Поэтому важно проводить с ним мотивирующие беседы в контакте со специалистами центров помощи зависимым.

2) У вернувшегося с фронта комбатанта могло не быть серьёзных проблем с алкоголем или наркотиками до СВО. Если он, вернувшись, стал регулярно употреблять, и делает это в течение всего дня, начиная с утра или обеда, то в таком случае также необходима помощь специалистов из центров помощи зависимым. Действовать можно по схеме, описанной выше.

3) Если употребление алкоголя или наркотиков происходит только вечером – это может быть симптомом других проблем. В таком случае для вернувшегося комбатанта выпить – значит, отключить психику, заглушить, как анестезией, кошмары в голове и провести ночь спокойно. Некоторые так и говорят: «Я лучше напьюсь, обезврежу себя, чтобы не причинить ущерб себе или другим». В этом случае необходим не реабилитационный центр, а помощь специалиста по работе с психотравмой. Можно также попробовать переключить комбатанта с увлечения алкоголем на какую-то деятельность. Например, сказать: «Ты пьёшь, тратишь на это свой жизненный ресурс, своё время, а твоя помощь сейчас нужна одиноким старикам, вдовам с детьми, подрастающему поколению и т.п.». Подробнее социальную реабилитацию через помощь людям мы будем разбирать в главе [«Обретение нового смысла мирной жизни»](#).

2. Финансовая грамотность

За участие в боевых действиях человек получал значительную заработную плату, уровня которой в мирной жизни достичь очень сложно. Резкое падение заработка после возвращения негативно влияет на и без того заниженную самооценку участника военных действий. Кроме того, семья тоже привыкает к большому доходу, и финансы становятся ещё одной точкой напряжения. Однако если помочь человеку правильно выстроить финансовую жизнь семьи, переформировать неадекватные траты, то семья может сохранять хороший уровень жизни.

3. Поиск смысла жизни

До участия в военных действиях человек в основном преследовал бытовые жизненные цели и смыслы: обеспечить семью, самого себя, создать

нормальные бытовые условия. Многие и не задумывались о чём-то большем. В обстановке боевых действий формируются новые цели: выжить в тяжелейших условиях, сохранить жизнь друзей. После этих больших целей возвращение к бытовым – таким, как дом, работа, хобби, семейные хлопоты – (тире наверх) даются крайне тяжело. Это не приносит комбатантам внутреннего душевного удовлетворения, им нужно что-то большее.

Новые цели и смыслы может дать Церковь. Важно говорить о том, что настоящая борьба и война – это борьба за души наших людей. Что нельзя предавать свою веру и ценности. Если народ будет отдаваться лжеучениям о том, что страсти – это норма, он рано или поздно будет побеждён. Противостоять этому – это ежедневный подвиг, он продолжается здесь.

Важно призывать к христианскому подвигу, который не только придаёт смысл и содержание жизни, но и служит спасению души нашей и окружающих.

Тому, как на практике можно помочь человеку обрести новые смыслы, даже если он пока далёк от Церкви, посвящена следующая глава пособия.